

175402

Алексей Толстой

**ПОЧЕМУ ГИТЛЕР
ДОЛЖЕН ПОТЕРПЕТЬ
ПОРАЖЕНИЕ**

Тридцать восемь дней непрерывающейся ни на один час гигантской битвы с армиями Гитлера дают нам возможность сделать некоторые выводы, мрачные для Гитлера и утешительные для нас.

Фашистская Германия—это военная машина, целиком приспособленная для агрессии, и только для агрессии. Она, как хищный зверь, всегда в позиции прыжка вперед. В этом—ее лобовая сила и в этом же ее слабые и уязвимые места, таящие неминуемое поражение.

Посмотрим, как осуществляется на практике гитлеровская теория молниеносного удара в столкновении с частями Красной Армии.

Эту фашистскую тактику у нас в армии бойцы окрестили «вороньим носом»: ворон клюнул и раскрыл клюв; клюнул и раскрыл клюв,—значит задача забить ему развешенный клюв хорошим кляпом.

Задача эта выполняется целым рядом действий, в которых, кроме нашей технической мощи, участвуют силы уже порядка не механического и не предусмотренного в планах фашистского командования.

Прыжок фашистского зверя наталкивается на нашу военную технику плюс сложную психику русского человека, в известные моменты истории легко пренебрегающего своей жизнью и чрезвычайно злого в драке, смысленного и упорного.

Фашистские способы ведения грабительской войны, теоретически долженствующие навести панику на население деревень и местечек, заставляют мужчин, женщин и подростков уходить в леса и болота и оттуда вести беспощадную партизанскую войну.

Партизаны нарушают фашистские коммуникации, уничтожают автоколонны с боеприпасами и горючим, взрывают мосты, засеками заваливают дороги, поджигают леса,

по ночам, прокрадываясь, как тени, нападают на фашистские штабы и раскалывают головы сонным офицерам; за каждым кустом, канавой, плетнем немца ждет пуля, ручная граната.

В городе Н., который, по соображениям командования, решено было не защищать, население вооружилось несколькими сотнями тысяч бутылок с горючим и вокруг города в лесах и болотах начало беспощадную борьбу с фашистскими автомашинами и танками. Перед тем как занять город, немцы, по обычаю, разбомбили и подожгли его. Передовой отряд мотоциклистов, уверенный, что население в панике бежало и дороги безопасны, наскочил близ города на засаду: передние были сбиты пулями, в остальных, заметавшихся на дороге, полетели бутылки с горючим. Один из партизан—мясник по профессии,—разгорячась, кинулся сзади на мотоциклиста, подмял его под себя и так верхом на длинноголовом стонроцентном «арийце» вкатил в город.

Мост через реку не был взорван. Немцы, решив опять-таки, что это—результат русской паники, выставили с обоих берегов охранение и пустили через мост тяжелые танки. Мост был минирован партизанами. Семь человек,—кто зарывшись в тину, кто сидя в воде в камышах,—ждали только момента, когда фашистские танки наполнят весь мост от одного конца до другого,—тогда партизаны взорвали аммонал, подложенный под мостовые устои, и десятки фашистских танков в столбах пламени рухнули в воду, воздвигнув памятник вечной славы семи героям.

Смотря по обстоятельствам, нередко бывает так, что части Красной Армии, атакуемые «вороньим носом», никак не реагируют на воздушные бомбардировки и артиллерийский огонь. Участок нашего фронта замирает, ждет. В точно размеренное время появляются отряды мотоциклистов, они мчатся, как бешеные, оглушительно паля из автоматов. Наши снайперы, замаскированные так, что их в двух шагах не отличить от болотной кочки, бьют на выбор по передним мотоциклистам и по хвосту колонны. Еще минуту тому назад «огненные дьяволы» превращаются в растерянных мальчишек,—они сталкиваются, падают, заворачивают и гибнут под выстрелами.

Очень странно, что после того, как германцы Арминия разбили в Тевтобургском лесу три легиона Квинтилия Вара, немцы считают себя храбрыми солдатами. Но фашистские солдаты истеричны и неуравновешенны; доста-

точно нарушить их план—они теряются и мечутся, как механические люди, да еще с нечистой совестью, попавшие в беду.

Пулеметами или заранее выведенными из-под артиллерийского огня и хорошо замаскированными противотанковыми пушками, в удобнейшем для нас месте громится колонна легких танков. Теперь наступает главный эпизод боя. В дело идут тяжелые, устрашающе выкрашенные в черную краску фашистские танки. Я беру тот случай, когда их умышленно пропускают через реку по понтонному мосту.

Когда они прошли, огонь нашей тяжелой артиллерии обрушивается на пристрелянный мост и ушчтожает его. Танки отрезаны от своей пехоты. Но танки—сильное оружие, они идут вперед, и основная наша задача—не дать им разинуться «вороньим носом», то-есть развернуться на наши фланги, и до этого уничтожить их. Начинается танковое сражение. Больше всего это похоже на крошечный ад. Наши тяжелые танки бросаются в контратаку. Наши бомбардировщики с бреющего полета засыпают бомбами черные танки. По ним бьет артиллерия. Там, где они попадают в зону пехоты, их подрывают связками гранат и обливают горючим. Наверно, битва олимпийских богов с гигантами показалась бы нам игрой в регби в сравнении с этим побоищем стальных крепостей.

Наша авиация нередко очищала небо от фашистских коршунов и на свободе превращала в груды исковерканного металла фашистские танки и их зенитную артиллерию. Такие бои продолжаются иногда несколько дней. Очень характерно попавшее нам в руки донесение командования одной из таких фашистских танковых групп. Сначала уверенно, в победном тоне доносил генерал о форсировании реки и продвижении вперед; затем донесения поступали уже от полковника, они были крайне нервны. План был нарушен, и клюв не разевался. Наконец, доносил уже майор, с величайшей растерянностью, о том, что он не может охватить общую картину боя, о том, что потери очень велики и что отступление на ту сторону реки отрезано. Словом, в «разинутый клюв» воткнули кляп.

Фашистская пехота связана с танками, как отара овец с передовым бараном. В данном случае она будет стремиться переправиться через реку. Это нами предусматривается, и начинается побоище на переправах. Особые

части охранных войск «СС» направляют стволы пулеметов в спину своей пехоте, ее анестезируют алкоголем в уверенности, что пьяному немцу море по колено,—но вернее, что он с головой погружен в море отчаяния. На таких переправах мы с успехом уничтожаем живую силу противника. Один из участников рассказывал мне, что вода в реке стала коричневой от крови и высоко поднялась, запруженная танками, затонувшими понтонами и тысячами немецких тел.

Второй случай—фашистскому ударному клину для атаки не нужно переправляться через реку. Тогда с нашей стороны вся основная часть операции обороны и контрудара сосредоточена в том, чтобы отрезать фашистскую пехоту от танков и разгромить то и другое по отдельности. Удар наносится в разрез между танками и пехотой. Пропущенные вперед, их танки попадают под комбинированные удары наших самолетов, танков и артиллерии. Отрезанная фашистская пехота, в недоумении, что весь план грубым образом нарушен, теряется, окапывается, и здесь мы чаще всего ищем непосредственного сближения с врагом штыковыми ударами, помня добрый завет старика Суворова: «Пуля дура, штык молодец». Действительно, странно, что при современной технической оснащенности немецкие нервы не выносят бегущих на них красноармейцев с тонкими лезвиями штыков.

Вот тысячи немецких трупов лежат между наспех вырытыми окопами, во ржи и на пригорках. Повели пленных, во-время бросивших оружие. Наступает тишина,— разве скажет кто-нибудь из бойцов товарищу хрипло и коротко: «Вытри штык, чистить придется».

Немецкая военная машина сосредоточивает все у себя на передовом фронте. Здесь, кроме военных, найдете инженеров, конструкторов, профессоров, всевозможных специалистов. Позади, в тылу, остается все второстепенное вместе с запасными войсковыми частями из пожилых, слабосильных, раненых. Это—гитлеровские резервы. Достаточно прорвать передовую кромку фронта, чтобы попасть внутри в трухлявую сердцевину. И чем дальше на запад и на юг—на Балканы, тем все более уязвимым и нездоровым становится организм фашистской Германии, распространившей иго «третьей империи» на Францию, Бельгию, Голландию и славянские страны.

Посудите сами, сколь надежной можно считать компанию Адольфа Гитлера, если у одного он зарезал жену

и ребенка, у другого живьем сжег родную мать, третьему заявил, что если «ты, недочеловек, осмелишься думать о чем-либо ином, кроме божественности фюрера, тебя ошпарят кипятком и в таком виде повесят».

Резервов у Гитлера мало, резервы у него плохие и тыл его ненадежен.

Но еще меньше у него бензина. Я не привожу цифр, они известны. Но я могу дать честное слово, что жидкое горючее Гитлеру не доставляется силами ада из подземного царства. Чтобы иметь бензин, нужно его взять. У Гитлера были солидные запасы. Но английская авиация методически уничтожает их, а советская разрушает и жжет нефтепромыслы в Плоешти. Кроме того, партизанская война у нас и в Европе сильно способствует уменьшению этого главного, основного и решающего материала для успешного развития садистических и отменно глупых планов взбесившейся обезьяны-Гитлера: повернуть человеческую историю на несколько тысячелетий назад, к возникновению рабства,—начать игру сначала не по воле исторического процесса, а так, как захотел «божественный» Гитлер.

Начиная войну с Советским Союзом, Гитлер рассчитывал на три мнимых предпосылки: усталость Англии от войны, ее желание заключить мир, на нежелание американского народа вмешиваться в европейскую кашу, заваренную Гитлером, и на молниеносное наступление фашистских армий на Киев—Москва—Ленинград.

Три главных карты Гитлера биты. Что у него еще остается на руках? Или фальшивые, или мелкие козыри, которые он держит под столом, надеясь, что противники окажутся дураками и трусами.

Ему не одолеть нашей военной мощи, увеличивающейся технически и количественно с каждым днем. Ему не сосчитать наших резервов. Ему не заставить Англию отказаться быть Англией и стать на колени. Ему не остановить своей грязной обезьяньей ручонкой раскручивающейся пружины военной промышленности США. Он нас пугает, мы не боимся. Мы уверенно, с непреодолимой решимостью будем сжимать Гитлера в объятиях «железной девы».

«Правда» 30 июля 1941 г.